

ПОСТУПОК КАК СОБЫТИЕ*

Статья посвящена онтологическому исследованию поступка как события человеческого бытия. На примере анализа этики Канта и проекта «первой философии» М. Бахтина показано, что фундаментальными определениями такого события выступают безосновность (априорный характер), долженствование, свобода и смысл. Выделенные определения поступка позволяют раскрыть его событийный характер, а также поставить и ответить на не обсуждаемый в этике вопрос «как возможен долг?» Вокруг долженствования разворачивается основная интрига превращения мира объективной природной данности в мир свободного, заранее не определенного человеческого бытия. Долженствование в схематизме поступка выступает фундаментальным истоком, конструкцией свершения события.

Понятие события является одним из самых значимых и интригующих понятий, которые постоянно артикулируются к современной философии, но при этом так трудно определимо... События врываются в нашу жизнь, они происходят, мы стараемся их не замечать, но они каким-то роковым и неотвратимым образом нас настигают, видимо, потому что являются способом нашего проживания и понимания жизни. В центре моего внимания находится событие, но не любое, а событие, которое открывается в поступке.

Для философии понятие события — одна из базовых онтологических, спекулятивных категорий, подобно категориям бытия, сущего, ничто и т.д. Реальность события сокрыта от нашего повседневного взгляда на мир, но оно как-то встречается, происходит и обнаруживается. Оно извещает о себе, в том числе и в поступке. Конечно, поступок является категорией онтической, но именно реальность поступка позволяет сказать нечто определенное о событии, о событийном характере бытия человека. В истории европейской философии есть авторы, которые осмыслили поступок как событие. Очевидно, это две фигуры: Кант и Бахтин. Несмотря на их непохожесть, можно определенно увидеть путь философии в разыскании событийного смысла поступка.

Разделение мира на чувственно воспринимаемый и умопостигаемый приводит Канта к тому, что человек не может знать себя самого по себе, следовательно, его знания о себе, основанные на внутреннем чувстве, относятся к эмпирическому миру. В силу наличия разума человек постоянно пребывает перед выбором своего метафизического определения. «*Во-первых*, поскольку оно [действие. — С.С.] принадлежит к чувственно воспринимаемому миру, оно может рассматривать себя как подчиненное законам природы (гетерономия); *во-вторых*, поскольку оно принадлежит к умопостигаемому миру, — как подчиненное законам, которые, будучи независимы от природы, основаны не эмпирически, а только в разуме» [1. С.110]. Прорыв умопостигаемого мира в сферу поступка человека позволяет свершиться, сбыться его метафизической природе, превратить свое существование в событие. Но это событие не является в полном смысле антропологическим. Не стоит понимать так, что когда человек реализует категорический императив

* © Соловьева С.В., 2005

Соловьева Светлана Владимировна — кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 04-03-00061а

как максимум, то входит в некое «подлинное существование». У Канта мысль располагается в иной перспективе. Событие встречи умопостигаемого мира и чувственной текущей данности есть реальность метафизического порядка, где человек и поступок выступают только способами свершения этого события. Не случайно Кант настаивает на том, что отсутствие таких поступков не отменит реальность категорического императива. В «Критике практического разума» Кант пишет, что поступки человека имеют свое определяющее основание в том, *что находятся целиком вне его власти*, а именно в причинности отличной от него высшей сущности [2. С. 208]. Поэтому поступок как событие в философии Канта не может быть определен в терминах эмпирического мира, пространства, времени и человека. В эмпирическом мире поступок есть «явление», его возможность нельзя понять из желаний, обстоятельств и т.д., хотя они в чувственном мире получают свое «место», и только в этом смысле мы можем локализовать поступок в пространстве и времени.

Этот метафизический мотив кантовского понимания поступка позволяет более определенно открыть тему события. В «Критике чистого разума» можно встретить несколько замечаний, которые явно артикулируют понятие события. В книге встречается два значения этого понятия. Во-первых, событие — это факт чувственно воспринимаемого мира. «Метафизический закон событий в чувственно воспринимаемом мире был законом причинности некой чувственной природы», — пишет Кант [2 С.162]. Это обыденное понимание события (то, что случается, происходит). Во-вторых, событие есть то, что не обусловлено природой, чувственностью, эмпирией, это разрыв прошлого и будущего через прерывание цепи причин и следствий: «Ни о каком событии нельзя сказать, что этому событию *должно* предшествовать нечто, за чем оно следовало бы *необходимо*, т.е. что оно должно иметь *причину*» [2. С. 166]. Второй смысл события онтологический (это безосновная реальность, которая не порождается причинно-следственными связями, реальность, которая не имеет оснований вне себя самой).

Эту двойственность в употреблении понятия события Кант переносит на артикуляцию и разумение поступка как события. «Поступки, *с одной стороны*, подчинены закону свободы, следовательно, принадлежат к образу действий существ, принадлежащих к умопостигаемому миру, но, *с другой стороны*, как события в чувственно воспринимаемом мире принадлежат к явлениям» [2. С.177]. Это означает, что событие в первом значении этого слова — единица сущего, явление эмпирического мира, а поступок — это единица бытия, т.к. он относится к умопостигаемому. Он порождает действительность того, что утверждает, то, к чему обращен. Совмещение этих миров и появление поступка как события возможны только через действие по принципу долга или категорическому императиву. «При подведении поступка, возможного для меня в чувственно воспринимаемом мире, под *чистый практический закон* дело идет не о возможности *поступка* как события в чувственно воспринимаемом мире <...>. Но здесь дело идет не о схеме случая, согласно закону, а о схеме (если это слово здесь подходит) самого закона» [2 С.180]. У Канта не случайно возникает понятие схемы, это означает, что у события есть свой порядок, ценность и смысл. Поступок обнаруживает и раскрывает схематизм события, который является не произвольным и случайным для данного конкретного поступка и вытекает из обстоятельств или подчинен природе вещей, но, напротив, схематизм поступка позволяет обнаружить законность события, его упорядоченную сущность. Схематизм поступка есть одновременно закон свершения события. Схематизм и порядок поступка как события обнаруживаются через определение его фундаментальных характеристик, которыми выступают **разум, долг и свобода**.

Первым определением поступка как события выступает **разум**. Все нравственные понятия возникают в разуме а priori, они теряют свою чистоту и *ценность* настолько,

насколько в них привносится эмпирических элементов. Событийность первоначально обнаруживается через априорность поступка, поскольку не имеет внешней причины и не случайна. Кант, на взгляд современного человека, допускает существенную оплошность, т.к. не проблематизирует, а берет в качестве постулата тезис о том, что разум определяет поведение человека и его способность свершать поступки. Более того, Кант в «Основах метафизики нравственности» пишет о том, что если человек и свершает поступок, то он может даже не догадываться, что он подчинен *всеобщему законодательству* [1. С.93]. Власть разума настолько тотальна и объемлет все нравственные движения, что нет необходимости устанавливать ценность поступка на основании моральной рефлексии, разум просто руководит, и уже этим фактом создается ситуация нравственного прецедента в человеческой жизни.

«Дисциплина разума» устанавливает следующее фундаментальное определение события. Долг и обязанность — вот, что позволяет поступку как событию иметь ценностный смысл. Именно **долг** превращает физическую жизнь человека в моральную. Более того, событие порождается долгом в философии Канта. Долг позволяет поступку не быть средством для достижения цели, но быть значимым как самостоятельная реальность. Нравственные ценности не существуют подобно вещам в себе, но приобретают бытийный характер исключительно через действие по долгу. Ценность не существует, но утверждается.

Априорный характер реализации поступка, как уже было сказано выше, позволяет обнаружить его недетерминированность и неслучайный характер сбытия. Кант выделяет два принципа или две формулы, два императива человеческого поступка. В первом случае человека интересует объект поступка (гипотетический императив, где человек руководствуется принципом удовольствия и счастья). Во втором случае возникает интерес к поступку как таковому, т.е. к его принципу действия (категорический императив). Последний — событийен, т.к. он не вкладывается ни в цепь причинно-следственных отношений, ни служит моментом или средством достижения чего-либо. Напротив, он нарушает естественный порядок вещей, утверждая то, что не является нам на уровне эмпирии, но несет ценность и верховный смысл. Поступок — это прорыв метафизического существа человека в мир феноменальной данности.

Третье определение поступка как события — **свобода** или автономия воли. Свобода как фундаментальное определение поступка радикализирует его бесосновный характер, тем самым указывая на событийный характер сбытия. «Один и тот же поступок, который как принадлежащий к чувственно воспринимаемому миру, всегда чувственно обусловлен, т.е. механически необходим, в то же самое время поступок как принадлежащий <...> к умопостижаемому миру <...>, стало быть, его можно мыслить как свободный поступок» [2. С.211]. Это значит, что поступок может быть определен двумя мотивами: материальным стимулом или автономией воли. Если доминирует объект желания, то такой поступок не свободен и превращается в механическое событие, которое подчинено миру физических явлений. Если поступок подчинен требованию долженствования и свободы, то аналогии мира человека и мира природы положен конец, здесь начинают действовать законы мира ценностей. Впервые поступок приобретает уникальный смысл, вырываясь из мира физического повторения и круговращения. Происходит освобождение от опыта как совокупности эмпирических предметов, определенных пространством и временем. Опыт метафизического существования человека строится не на *чувственности*, а на *воле*, которая не связывает себя с данным, но обращена к нравственной задаче, которая поднимает ее над всем данным [См.: 3. С.228]. Воля противостоит всему эмпирическому ходу вещей, утверждая новый порядок опыта бытия. Свобода «переносит нас в умопостижимый порядок вещей».

Архитектура интеллигибельного мира представляет собой не набор объектов (пусть даже умозрительных), а порядок нравственных установок, целей человеческого поступка. У Канта мы имеем дело с двумя видами бытия. Если первый мир бытия как вещи выступает предметом созерцания и недоступен метафизическому познанию, то второй не познается, но утверждается. Бытие-как-долженствование позволяет превратить умопостигаемый мир из предмета нашего эмпирического опыта в опыт утверждения бытия (события). Впервые событие становится не просто возможным, но реальностью, представляющей себя в поступке. Таким образом, для Канта событие — это прорыв, утверждение умозрительного мира в поступке, утверждение мира ценности в отличие от мира природы. Можно смело говорить о концепте «поступка» в творчестве Канта, который превращает понятие поступка из этического в онтологическое.

Основной метафизический мотив в понимании поступка у Канта кроется в разделении эмпирического и интеллигибельного мира. В философии XX века кантовский проект понимания поступка становится предметом жесткой критики, среди них очень уверенно звучит голос Бахтина. В классической философии, как полагает философ, мир теоретического сознания отвлечен от исторического мира жизни и поступания, поэтому человек — это законченный проект бытия. Мир, творимый через поступок, не может существовать в системе этих представлений. Событие, по мнению Бахтина, неопределимо ни в теоретических категориях, ни в категориях исторического познания или эстетической интуиции. В одном случае мы теряем факт действительного исторического свершения, во втором — смысл, в третьем — причастность к долженствованию [См.: 4. С. 90-94].

Исконный смысл события — единение, соединение того, что в реальности существует как разделенное, непроницаемое. Особенность поступка как онтологической реальности (в отличие от события как ситуации или события мысли и т.п.), на мой взгляд, заключена в том, что о поступке невозможно говорить без принципиальной множественности сущего. Для Канта такими мирами был мир чувственно воспринимаемого и умозрительного, абсолютно непроницаемые и отвлеченные друг от друга. Для Бахтина такими мирами выступают мир культуры и жизни: «Встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни» [4. С.82]. Первый есть собрание результатов нашей деятельности, а второй — это творчество, переживание, уникальность нашей жизни. Таким актом соединения культуры и жизни выступает поступок. Единственным способом соединения двух миров является событие свершающегося бытия или бытие-событие в понятиях философа. Поступок становится местом собирания многообразия сущего, придания ему единства.

Понятие единого, единства, единственности открывает специфичность бахтинского взгляда на понимание поступка, открывающего бытие-событие. В.А. Конев выдвигает очень важный тезис: событие позволяет взглянуть на творчество русского мыслителя как на проект «первой философии», предметом которой выступает единое и единственное бытие-событие, а поступок — формой вхождения в бытие-событие, поскольку является его частью и несет в себе его характеристики [См.: 5. С.9]. Для описания события как места соединения, сдвига бытия Бахтин пользуется понятием «поступок». Почему поступок становится обозначением моего единственного места в бытии или события? Думается, что изначальный интерес Бахтина к событию имел нравственный смысл, чего не было у Хайдеггера. Нравственная ориентированность русского философа обращает его к поступку и определяет самобытность его концепта события.

Исследователь Т.В. Щитцова обосновывает мысль об амбивалентности как исходной онтологической структуре события человеческого бытия. Бытие человека у Бахтина, по ее мнению, имеет характер события в силу имманентной амбивалентной структу-

ры своего свершения [См.: 6. С. 39-40] Мне представляется, что этот тезис имеет смысл не только в анализе философии поступка Бахтина, но также в любой постановке и решении проблемы события человеческого бытия. Ибо поступок как один из феноменов человеческого бытия невозможен без учета исходной амбивалентности события. Не случайно все серьезные метафизические проекты XX века (Хайдеггер, Делез) пытались поставить и решить проблему: как возможно соединение, единение множественности сущего в его единстве и единственности. Бахтин открывает поступок как единственную возможность говорить о бытии, обладающем уникальным смыслом, объемлющем в своей единственности фактичность, смысл и долженствование.

Событие, как пишет Бахтин, может быть ясно и отчетливо для участвующего в поступке во всех своих моментах. Значит ли это, что он его логически понимает? Нет, он ясно видит и этих единственных людей, и время, и действительный и должный смысл взаимоотношения между ним и людьми, предметами. Думаю, что место его свершения становится безразличным для поступка (что отвергает Кант), но это место не просто временные и пространственные координаты его развертывания, это особый топос, который обнаруживается у Бахтина как «причастность» поступка к бытию-событию. Принцип причастности открывает единство и единственность как главные определения бытия-события [См.: 5 С.7-8; 6. С. 40-55], что создает топос как мироокружное пространство поступка. Чтобы оказаться в этом месте свершения-поступка, требуется особое мышление. Поэтому мышление не есть одна из определяющих характеристик поступка как у Канта, но способ войти в топос поступка. Все эти моменты события даны и заданы человеку, по мнению Бахтина, в «единственном ответственном сознании» и осуществляются в ответственном поступке. «Единственную единственность нельзя помыслить, но лишь участно пережить» [4. С.91]. Таким мышлением выступает участное мышление, выражением которого служит эмоционально-волевой тон. «Эмоционально-волевым тоном, — пишет Бахтин, — мы обозначаем именно момент моей активности в переживании, переживание переживания как *моего*: я мыслю — поступаю мыслью» [4. С.109]. Эмоционально-волевой тон, обтекая смысловое содержание мысли в поступке, относит его к бытию-событию. Интонированность долженствования (эмоционально-волевой тон) выполняет, по словам Т.В. Щитцовой, роль онтологического «индикатора», ибо открывает ценностный окрас заданности, должного [6. С.57]. Моя активность, единственность, уникальность и единство поступка выражаются в моем тоне, который можно охарактеризовать как слово-*верность*. Не содержание обязательства меня обязывает, как замечательно заявляет философ, а моя подпись под ним. Событие может быть только участно описано, поэтому наиболее подходящей формой описания события может быть исповедь.

Если **участное мышление** с его эмоционально-волевым тоном вводит человека в топос поступка, выступая первой фундаментальной характеристикой поступка как события, то вторым определением поступка выступают нудительность, ответственность и долженствование. Единство ответственности и долженствования не содержательно и не постоянный закон. Ответственная включенность открывается как единственность бытия-события или правда положения. Нудительность и ответственность правды моего положения выражаются через *мое не-алиби в бытии*. Мое не-алиби в бытии не узнается, не поддается моему познанию, но *признается и утверждается*. Участное мышление на основе моего не-алиби в бытии превращает бытие в событие, понуждает к свершению события. По мнению В.А. Конева, мое не-алиби в бытии выступает главной категорией бытия-события, поскольку мое не-алиби в бытии гарантирует наличие единой единственности мира, которому человек здесь и сейчас причастен, а также слит-

ность моей единственности и единственности мира. Такое бытие понуждает, «нудительно», я не могу избавиться от себя и от мира, к которому я причастен в этом времени и месте [5. С.10].

Если этика Канта берет долг как постулат, то философия поступка Бахтина изначально пытается ответить на вопрос: откуда возникает **долженствование**. Поэтому Бахтин практически не употребляет понятия «долг», но всегда говорит о долженствовании. Здесь долг уже не трансцендентальный принцип, благодаря которому возможно событие, но основание моей ответственной, верной подписи, нудительности мира поступка-события. Долженствование выражает обязанность, онтологическую нудительность реализовать себя, свою единственность. Ключевым определением события как поступка выступает не долг, а именно долженствование. Поскольку бытие, отрешенное от ответственности, — черновой набросок, лишь возможный вариант единственного бытия. «Только через ответственную причастность единственного поступка можно выйти из бесконечных черновых вариантов, переписать свою жизнь на белом раз и навсегда» [4. С.115]. В этом отношении Бахтин мыслит как Хайдеггер, который в «Бытии и времени» писал, что всякое событие и исток экзистенциальной историчности кроются в решимости, вариантом решимости для русского философа выступает нудительность бытия. «Долженствование <...> становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за свое бытие» [4. С.113].

Если человек действует и поступает на основании моего не-алиби в бытии, то его нравственное чутье и выбор ставят перед ним вопрос об истинности его свершения. Для Бахтина соотношение истины и долженствования выходит за границы познания субъекта. Долг не вытекает из правильности высказывания, но появляется «в единстве моей ответственной жизни». «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания <...>. Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект <...>, он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования)» [4. С. 85]. Долг выступает феноменом человеческого сознания, впрочем, как и у Канта. Бахтина и Канта связывает также то, что они мыслят поступок как абсолютно неслучайный, во-первых, и долженствование выступает как абсолютно нудительное, категоричное для меня. Отличие кантовского и бахтинского понимания долга состоит в том, что этика Канта определяет долг как способ утверждения всеобщего смысла, а русский философ утверждает обратное: «Долженствование есть именно категория индивидуального поступка, даже более того, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости, единственной нудительности, его историчности» [4. С.100]. Долг не подводит поступок под образец, но, напротив, открывает уникальный смысл и индивидуальность поступка.

Тема образца и истины открывает новое определение поступка-как-события. Это его **смысл**. Смысл по своей онтологической природе обладает всеобщей, коммунальной природой. Поэтому Бахтин уже в самом начале текста утверждает, что смысл сам по себе неспособен заявить об уникальности, историчности бытия-события. Коммунальность смысла способна обретать уникальность только благодаря поступку, который наполняет его живым переживанием и жизненным утверждением. Все общее и смысловое обретает свое значение и признание только в свете единственности-событийности ответственного поступка. Бытие как некая смысловая, содержательная определенность, как ценность (красота, добро, истина и т.д.) есть некая возможность, которая обретает свою плоть и действительность только в поступке. Мир смыслов бесконечен, а вот по-

ступок для него случаен. Философ утверждает, что нужна инициатива поступка по отношению к смыслу, которая никогда не случайна. Смысл сам по себе не может быть категоричен и нудителен, только моя инициатива и единственность моего места создают центр исхождения поступка, делая его неслучайным.

Множество неповторимых уникальных человеческих миров разрушает бытие как содержательно определенное и готовое, но только благодаря этим мирам создается новое единое бытие как событие. Событие как самому себе равное можно увидеть лишь *post factum* безучастным, незаинтересованным мышлением, но оно тогда теряет событийность события. Событие, для Бахтина, действительно только «для действительного участника свершающегося события», для которого все стягивается к предстоящему действию в его конкретном нудительном должествовании [См.: 4. С.116]. Строго говоря, для философа нет человечества в целом, нет человека вообще, но есть конкретный человек — мой близкий, мой современник, мое прошлое и т.д.

Можно абсолютно определенно утверждать, что поступок — это вызов бытия, находясь в зазоре, амбивалентности миров, он обнаруживает совершенно особую онтологическую реальность — событие. Этот зазор и вызов открывается человеку как долг или нудительность бытия, т.е. как та не-обходимая возможность, которую можно преодолеть, только взяв на себя ответственность за решение и выбор. Человек, отвечающий на этот вызов, находится в состоянии свершения, утверждения нового, а значит, поступок и есть событие.

Библиографический список

1. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995.
2. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995.
3. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997.
4. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984-1985. М., 1986.
5. Конев В.А. Философия бытия-события М. Бахтина // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвуз. сб. науч. тр. Самара, 1994.
6. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. Минск, 2002.

S. Solovieva

AKT AS AN EVENT

The article is devoted to the ontological research of action as event of human being. On the example of Kant's ethics and philosophy of M.Bakhtin it was shown that the fundamental determinations of such event are non-foundation (a priori — character), duty, freedom and meaning. The emphasized notion of event allows to open its co-being character, and also to ask and to answer the question «how duty is possible?» that is not discussed in ethics. Around duty the main intrigue of turning the world of the objective natural given into the world of free and not determined human being. In scheme of action, duty appears as a fundamental source, a construction of event fulfillment.